

Карельский филиал АН СССР
Институт языка, литературы и истории

Э.Г.Карху

"КАЛЕВАЛА"
И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

Петрозаводск 1985

Карельский филиал АН СССР
Институт языка, литературы и истории

Э.Г. Карху

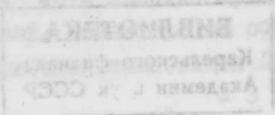
"КАЛЕВАЛА" И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

Препринт доклада

на заседании Президиума Карельского филиала АН СССР

(28 июня 1985г.)

Петрозаводск 1985

121700к

1992 г.

© Карельский филиал АН СССР, 1985

121704к

БИБЛИОТЕКА
Карельского филиала
Академии наук СССР

ОТПРАВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

150 лет тому назад, в 1835 году, финский ученый и собиратель фольклора Элиас Леннрот (1802-1884) выпустил в свет первое издание "Калевалы" - эпического свода, составленного им на основе карело-финских народных рун. В 1849 году Леннрот издал расширенную редакцию "Калевалы", получившую мировую известность.

"Калевала" по праву является общим культурным достоянием карельского и финского народов и вместе с тем входит в культуру мировую.

В масштабе финской и европейской литературы время Леннрота было временем активного вовлечения фольклорных сокровищ в литературное развитие. Это был двусторонний процесс. С одной стороны, происходила трансформация фольклорных традиций в литературные, а с другой - сама литература шла навстречу фольклору. Эта двусторонность процесса прослеживается на примере творчества отдельных писателей того времени. Несколько упрощая, можно сказать, что если деятельность Леннрота олицетворяла собой движение непосредственно от рунопевцев к литературе, то его современник, выдающийся шведоязычный поэт Финляндии Ю.Л.Рунеберг, шел как бы встречным путем - от литературы к фольклору и народной жизни. Рунеберг познакомился с фольклором книжно-литературным путем, но именно фольклор помог ему во многом выработать свой собственный стиль, выявить природу своего дарования.

Эпос "Калевала", как и другая классическая книга Леннрота - антология народной лирики "Кантелегар", явился наиболее ярким художественным выражением трансформации устно-поэтических традиций в книжно-литературные. И опыт Леннрота имел и имеет значение не только для финской литературы. Уже в XX веке "Калевала" и фольклорные сокровища сыграли огромную роль в становлении и развитии литературы Советской Карелии.

В историко-литературном и художественном отношении "Калевала" есть явление промежуточное между фольклором и литературой. Возникнув на основе подлинных народных рун, единая сюжетная композиция Леннрота уже до некоторой сте-

пени подчинила фольклорный материал законам литературного мышления нового времени. В "Калевале" прошлое осмысливается в связи с настоящим и будущим. В Финляндии времен Леннрота это было чрезвычайно актуально и отвечало важнейшим культурно-историческим задачам.

О "Калевале", ее фольклорной основе и культурно-историческом значении существует значительная исследовательская литература. "Калевала" привлекала внимание представителей самых разных гуманитарных дисциплин — фольклористов, литературоведов и литературных критиков, специалистов по общезстетическим проблемам, лингвистов, историков, этнографов, археологов. Многие из тех проблем, которые и сегодня сохраняют актуальность и так или иначе решаются наукой, были в первичной форме выдвинуты давно, более столетия тому назад, вскоре после появления на свет двух редакций "Калевалы" Леннрота.

Уместно вспомнить в этой связи наиболее интересные имена и исследования. Прежде всего это предисловия и статьи самого составителя "Калевалы" Элиаса Леннрота, затем работы М.А. Кастрена, К.А. Готлунда, Р.Тенгстрема, Ф.Сигнеуса, Ф.Коллана, О.Доннера, Ф.Перандера, А.А.Борениуса, относящиеся к периоду 30-70-х годов XIX века.

Особенно активно "Калевала" и фольклорная эпика стали исследоваться в Финляндии в последние десятилетия XIX века и в первые десятилетия XX века, когда складывалась "финская школа" в фольклористике, получившая международное признание. Была развернута огромная собирательская работа, вышли фундаментальные фольклорные публикации и множество исследований. Кроме основоположников школы, Ю.Крона и К.Крона, следует назвать Э.Н.Сетяля, А.Р.Ниemi, У.Харва, В.Салминена; позднее вышли работы М.Хаавио, М.Кууси, Й.Хаугала, В.Кауконена, В.Руоппала. Двухтомную биографию Э.Леннрота опубликовал А.Анттила (Anttila, 1931, 1935). Появились фольклорно-стихovedческие работы М.Садэниemi, П.Лейно и других авторов. С литературоведческой гочки зрения "Калевалу" исследовали Э.Аспелин-Хаапколя, В.Таркьянен, эстонский автор А.Анист, А.Сараяс, К.Сааренхеймо, Р.Коскимиес, П.Алхониеми. Важным пособием в изучении эпоса

явился подготовленный А.Турунемом "Словарь "Калевалы" (издания 1949 и 1979 гг.). Новой общей работой по "Калевале" и ее "творческой истории" стала книга В.Кауконена "Леннрот и "Калевала" (Kaukonen, 1979). Ему же принадлежит хорошо иллюстрированная книга "Песенная Карелия и рождение "Калевалы" (1984). Весьма полезное справочное издание по "Калевале" (Калевальская шкатулка, 1985) выпустили М.Кууси и П.Ангтонен. Появились и другие издания научного и популярно-справочного характера, в том числе на английском и шведском языках.

Из общих обзоров развития финской фольклористики, включая изучение "Калевалы", следует выделить книгу Й.Хаугалы "Финская фольклористика" (Hautala, 1954) Из нее можно получить представление об основных этапах и направлениях развития научной мысли, о постановке проблем крупнейшими исследователями, о научных дискуссиях. Обзор Й.Хаугалы охватывает, кроме работ финских ученых, также некоторые зарубежные исследования — известного германиста Я.Гримма, русского академика А.Шифнера, итальянца Д.Компаретти, датчанина Ф.Орта.

Преимущественно идеологические аспекты концепций финской фольклористики рассматриваются в книге американского профессора У.А.Уилсона "Фольклор и национализм в Финляндии новейшего времени" (Wilson, 1976).

В России о "Калевале" писали еще Я.К.Грот, В.Г.Белинский, А.Шифнер; в советский период — Д.М.Бубрих, Б.Кагаров, Ю.Сирола, О.В.Куусинен, В.М.Ярмунский, В.Я.Пропп, В.Я.Евсеев, Е.М.Мелегинский, К.В.Частов, А.Г.Хурмеваара. Были опыты критического обзора русских и советских работ (в частности, статья В.Г.Базанова, недавняя статья А.И.Мишина "Калевала" в русской критике" в журнале "Север", 1985, № 2). Следует признать, однако, что достаточно основательного и систематического анализа всей отечественной и зарубежной исследовательской литературы о "Калевале" мы пока не имеем, хотя в таком анализе ощущается потребность.

В связи со 150-летием первого издания "Калевалы" заметно возрос научный интерес к ней и ее фольклорной основе. Готовились новые публикации и исследования. В конце января 1985 года в Петрозаводске состоялась объединенная научная конференция на тему "Калевала" — выдающийся памятник мировой культу-

ры", с участием советских и финских ученых. В докладах освещались фольклорные истоки "Калевалы", ее влияние на литературу, музыку, изобразительное искусство, ее соотношение с эпической традицией других народов.

Международный симпозиум по проблеме "Калевала" и мировая эпическая поэзия" состоялся в феврале 1985 года в финском городе Турку (его организатором был международный Северный институт фольклора), в нем приняли участие ученые из 13 стран. Наряду с докладами, посвященными непосредственно "Калевале", значительное место в программе симпозиума заняла сопоставительная тематика, касающаяся других крупнейших эпосов мира; привлекались поэмы Гомера и Вергилия, "Эдда", "Беовульф", "Песнь о Нибелунгах", французский эпос, русские былины, эпосы других славянских народов. Организаторы симпозиума видят одну из основных задач в том, чтобы расширить диапазон исследований по эпосам и привлечь внимание новых исследователей к "Калевале".

Из обширного круга проблем, сохраняющих актуальность при изучении "Калевалы", можно выделить следующие: 1) "Калевала" и ее соотношение с собственно фольклорной традицией; 2) "Калевала" и проблема историзма; 3) "Калевала" в контексте финской, карельской и мировой культуры; 4) теоретическая проблематика, связанная с переводами фольклорной поэзии "Калевалы" на современные литературные языки. Это скорее не отдельные проблемы (перечисленные в самом общем виде), а целые группы проблем. Даже в очень сжатой форме даются пояснения по каждой из них.

"КАЛЕВАЛА" И ЕЕ СООТНОШЕНИЕ С ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИЕЙ

Не смотря на то что история возникновения "Калевалы" и принципы составительской работы Леннрота хорошо известны науке (верно подмечено, что Леннрот-составитель ничего не утаивал и не мистифицировал, в отличие, скажем, от Джеймса Макферсона), тем не менее вопрос о соотношении "Калевалы" с собственно фольклорной традицией нельзя считать достаточно проясненным - даже после работ А.Р.Ниemi, В.Кауконена и других исследователей. Споры по этому вопросу имеют свою давнюю историю и продолжают

сегодня. Их злободневность объясняется отчасти тем, что на популярном уровне, в материалах для массовой аудитории, а подчас и в работах специалистов по смежным научным дисциплинам — историков, археологов и т.д., "Калевала" и сегодня нег-нег и отождествляется с собственно фольклором, без достаточного учета составительско-редакторской и творческой роли Леннрога.

Но единого мнения по данному вопросу нег и среди специалистов-фольклористов, превосходно знающих историю "Калевалы". В свое время на вопрос, где родилась "Калевала", некоторые отвечали весьма однозначно: "В городе Каяна, на письменном столе Леннрога". Сегодня нередко высказывается также крайняя точка зрения, согласно которой "Калевала" — чисто литературное произведение первой половины XIX века, с исключительным авторством Леннрога, создавшего новую поэму на фольклорном материале. В связи с этим вопрос ставится и в такой форме: поскольку "Калевала" — литература, постольку и исследовать ее надлежит литературоведам, а не фольклористам. За столь категорическим разделением сфер обнаруживается определенная система взглядов.

Необходимо напомнить в этой связи, что Ю.Крон и К.Крон избегали однозначной категоричности, хотя именно они впервые четко отделили "Калевалу" от собственно фольклора в качестве самостоятельного объекта научного изучения. Под влиянием эволюционистских идей своего времени они рассматривали рунопевческую традицию как живой органический процесс, итогом которого стала затем литературно оформленная "Калевала". Поскольку процессу было присуще органическое единство, то и у "Калевалы", по убеждению К.Крона, есть не только литературная, но и фольклорная история: "Калевала" преемственно связана с устной традицией.

Вышеуказанные моменты как бы заново всплывают на поверхность в современных дискуссиях о "Калевале". Проблемы обсуждаются во многом сходные, хотя и с новыми акцентами (имеются в виду, например, дискуссии в финских журналах "Вирягтя", "Когисеуту" и некоторых других изданиях). Показательно, что предметом споров становится само понятие культурной традиции — и собственно фольклорной, и в расширенном смысле,

охватывающем литературную "Калевалу". Участников споров что-то разделяет, но что-то и объединяет, в том числе методологически. В частности, для современной западной фольклористики стало чем-то вроде общепринятой аксиомы предположение, что любое фольклорное произведение имеет индивидуальность автора; и, напротив, допущение коллективного авторства и коллективного творчества расценивается как анахронизм, как вчерашний день фольклористики. Это накладывает печать и на понимание фольклорной (и вообще культурной) традиции, а в некоторых крайних случаях даже ведет к отказу от самого понятия "традиция". В этих случаях не только "Калевала", но и записи рун от самих рунопевцев рассматриваются как индивидуальные художественные произведения ("артефакты"), годящиеся литературным текстам, в качестве каковых их и надлежит изучать. В результате разговор о преемственности бытования фольклорных сюжетов сильно затрудняется, сам термин "традиция" утрачивает смысл и становится излишним, он объявляется методологически устаревшим и ущербным. При анализе зафиксированных текстов рун акцент следует, с такой точки зрения, делать не на том, что в них преемственно и отражает длительную жизнь сюжетов, а на том, что превращает каждую запись в самостоятельный "артефакт", в произведение именно того времени, когда оно записано, и того рунопевца, от кого оно записано. Поэтому говорить о "древних рунах" нет никакого основания, о них мы ничего не знаем. И "Калевала", и записи рун, которые Леннрот использовал, — это "артефакты" XIX века. Получается, что для строгой науки народная поэзия существует исключительно только в виде записанных "текстов", тогда как традиция именно в ее устной форме и исторической протяженности вроде бы и не существует, во всяком случае она не воспринимается как эмпирическая данность. И "Калевала" — это не обобщенная Леннротом картина мира древней поэзии, а поздний и упорно странствующий по свету "миф", чисто вымышленная и лишённая всякой исторической достоверности утопия о древних временах.

Выше я очень кратко изложил точку зрения, которую отстаивает, например, профессор В. Кауконен, чьи заслуги в изучении "Калевалы" весьма значительны. На сегодняшний день он

является едва ли не лучшим знатоком истории возникновения "Калевалы" и всего процесса составительской работы Леннрота. В итоге кропотливых и длительных разысканий В.Кауконен подробнейшим образом исследовал состав обеих редакций "Калевалы", сопоставив каждый стих с собственно фольклорным материалом (в 1984 году вышел аналогичный его труд по составу антологии народной лирики "Кантелетар"). В исследовании В.Кауконена о второй редакции "Калевалы" ценен также большой культурно-исторический материал, дающий представление об откликах на первое ее издание и о дополнительных фольклорных собраниях, оказавшихся в распоряжении составителя.

Следует сказать, что вышеприведенные методологические утверждения, которые советским исследователям представляются все же односторонними, были с самого начала направлены своим полемическим острием против географо-исторического метода К.Крона и его последователей. Еще в конце 1940-х годов В.Кауконен выступил с развернутой критикой кроновской школы, против декларируемого ею историзма, в котором действительно было немало заслуживающего критики. Методологические изъяны финской школы в той или иной степени признаются и другими современными финскими фольклористами, ее кризис стал давно общепризнанным фактом, хотя об этом обычно говорят более сдержанно и с учетом также ее достижений. Полемическая острота выступлений В.Кауконена полезна тем, что он постоянно напоминает о необходимости строго придерживаться твердых фактов и не доверяться гипотезам. Однако в изучении древних культур одной империи, к сожалению, недостаточно, а совершенный отказ от гипотез практически равносильен отказу от самой науки.

Другой известный финский фольклорист и этнолог профессор Л.Хонко в статьях последнего времени развивает несколько иную точку зрения на "Калевалу" и ее соотношение с фольклором. Тезис о "литературности" "Калевалы" остается в силе и в этом случае, однако подход все же более исторический, проблема преемственности с фольклором ставится многостороннее, само понятие традиции не отвергается. На это указывают уже названия статей Л.Хонко: "Калевала" и мифы", "Калевала" и проблема ее аутентичности", "Калевала" как процесс"

(статьи 1984-1985 гг.). В статьях Л. Хонко проводится мысль о разных уровнях связи "Калевалы" с фольклорной традицией, с народной жизнью и народным сознанием. Л. Хонко выделяет, в частности, мифологический и этнографический уровни. Несколько раньше, в главе 2-го тома "Истории культуры Финляндии" Л. Хонко (Honko, 1983) писал о "трех уровнях реальности" в "Калевале": 1) собственно фольклорный уровень; 2) составительско-редакторский уровень, определяемый идеалами и представлениями Леннрота; 3) рецепционный уровень, определяемый уже читательским восприятием, ролью "Калевалы" в развитии финского национального самосознания, ее местом в контексте финской и мировой культуры.

Разумеется, многое связывает "Калевалу" с собственно народной устно-поэтической традицией. Народны прежде всего выраженные в "Калевале" идеалы, народны ее содержание, художественные образы, поэтика, язык. При всем нашем уважении к собирательской и составительской деятельности Леннрота, к его научному подвигу, главным автором эпоса является все-таки народ, коллективная мощь его творческого гения, на что указывали А.М. Горький, О.В. Куусинен и другие выдающиеся деятели.

Ведь если Леннрот в "Калевале" посредством сюжетно-художественного синтеза создал обобщенную картину древней эпической поэзии, древнего "эпического мира", образа жизни людей, их мифологических представлений, помыслов и идеалов, то нельзя же утверждать, что все это — лишь его, Леннрота, личная фантазия, что ничего этого в народном сознании не было. Ведь и в наших научных рассуждениях о фольклоре мы пользуемся обобщениями, не только анализируем, но и синтезируем, говорим не только об отдельных песнях и сюжетах, не только о репертуаре отдельных певцов, но употребляем такие понятия, как "народный эпос", "эпическая поэзия", подразумевая связь этой поэзии с определенной исторической эпохой, с определенной стадией общественного развития. Все эти проблемы актуальны как для собственно фольклора, так и для понимания "Калевалы", без них никак не обойтись.

"КАЛЕВАЛА" И ПРОБЛЕМА ИСТОРИЗМА

Термин "исторический" употребляется в исследованиях в разных значениях, и случается, что из-за этого пишущие плохо понимают друг друга. В истории фольклористики были "мифологическая" и "историческая" (или "географо-историческая") школы — по инерции также в современных работах "историческое" нередко выступает как антипод "мифологического". Под "историческим" подразумевают нечто почти "эвгемеристическое", то есть когда в фольклорных героях ищут реальных исторических лиц, в их действиях — реальные события. А если подобного не обнаруживается, стало быть, нет в рунах и отражений исторической реальности, тем более древних эпох, есть лишь поздний, реконструированный Лённротом произвольный "миф" или современная рунопевцу и его, рунопевца, индивидуально-субъективная картина мира.

Подобные критерии иногда лежат в основе суждений о "подлинности" или "неподлинности" ленинградской "Калевалы". В связи с этим Л. Хонко резонно замечал, что если в качестве такого критерия принять, например, требование строгой этнографической точности всех фольклорных описаний народного быта, всех обычаев и вещественно-материальных деталей (как того требует современная наука — с указанием региона и точного времени наблюдений), то такому критерию не будет отвечать не только "Калевала", но и собственно фольклорные руны, ибо последние тоже не эмпирическая фактология, не слепок с той действительности, которая окружала рунопевцев. В XIX веке, когда были сделаны записи рун, на охоту карелы ходили с огнестрельным оружием, а в рунах пелось о копьях и луках со стрелами. Еще поэт Э. Лейно в своем замечательном очерке о Лённроте подчеркнул, что в рунах — не фотографии, а образы. Но даже в самых фантастических образах по-своему отразился реальный мир и реальная история.

И фольклорные руны, а "Калевала" — это поэзия, поэтому их нельзя отождествлять ни с мифами, ни с историческими летописями, хотя и мифы, и история в них присутствуют. Как во всякой поэзии, в рунах вступает в силу эстетический фактор, специфика фольклорной поэтики, опять-таки исторически обус-

ловленной и неповторимой. Также в русских былинах, в которых отражение исторических событий (борьбы русского народа против татаро-монгольского ига) более осязаемо, воспроизводятся они все же иначе, чем в летописях. Эпос и в этом случае предлагает свою версию о событиях, принципиально отличающуюся от летописной. Героический эпос изображает и осмысливает историю через определенным образом направленную фантазию, через художественную идеализацию — в соответствии с народными идеалами эпохи, которым присущ безграничный оптимизм, вера в победу добра над злом. Как пишет Б.Н.Путтилов, "былинно-эпическая история" в определенном смысле "противостоит истории реальной, она как бы исправляет несовершенство этой последней, освобождает ее от трагических ошибок и несправедливостей, вносит в нее разумное и человеческое начало, противопоставляет безысходности — оптимизм, угнетению — свободу, гибели и разрушению — спасение и победу, бесправия народа — его волю и решающую силу" (Путтилов, 1975, с. 165).

Как отмечают современные финские фольклористы, после неубедительных исторических толкований рун кроновской школы теперь вновь стал более распространенным мифологический к ним подход, а недавняя книга историка М.Клинге (Klinge, 1984) с попыткой в духе кроновской школы отыскать в рунках событийную историческую основу была расценена (например, в откликах Х.Каркянена, Л.Хонко) как анахронизм.

Кроме "мифологической" тенденции в самой фольклористической науке, существует еще проблема так называемого "неомифологизма" в западной художественной литературе и культуре XX века. Все это делает особенно актуальным рассмотрение "Калевалы" и ее мифологических элементов с точки зрения марксистского историзма.

Марксистская наука исходит из того, что по своей типологии карело-финские эпические руны представляют собой весьма архаическую поэзию, в которой элементы мифов играют значительную роль. Разумеется, на протяжении длительного устойчивого бытования рун в них так или иначе отразились и влияющая последующих эпох, однако зародилась эта поэзия — именно как поэзия с особыми коллективистскими идеалами — на стадии разложения общинно-родового строя, а древнейшие ее ис-

гоки связаны с еще более архаическим мифологическим сознанием.

Еще в первой половине XIX века, в рамках романтического мировоззрения и в особенности под влиянием историзма гегелевской эстетики, в Финляндии стал вырабатываться исторический взгляд на первобытную эпоху, с которой связаны руны "Калевалы" и ее идеалы. Например, в 1844 году молодой критик Р.Тенгстрем, находившийся под влиянием идей левых младогегельянцев, подчеркивал в докладе "Изображение финского народа в "Калевале", что в рунах отразилась эпоха, "когда индивид еще не обособился от народа и когда народ еще не разделился по уровню культуры и условиям жизни на классы, но всех объединяло единство духа".

Так понимали "Калевалу" А.Киви, Ю.Х.Эркко, Э.Лейно и другие выдающиеся финские писатели XIX - начала XX вв., особенно романтического и "неоромантического" направлений. Причем такой взгляд на архаическую фольклорную поэзию и ее идеалы вовсе не был лишь вымыслом поэтов, лишь уголической стороной романтического мировоззрения (к числу романтиков-фольклористов принято относить и Лейнрота). Читая иные исследования современных западных фольклористов и литературоведов, встречаешься со случаями, когда к романтикам и к Гегелю относятся недостаточно серьезно и даже с иронической снисходительностью; считается, что их представления о народности фольклора и о своеобразии эпохи, породившей эпос, были всего лишь данью романтическому идеализму. Слишком "огульное" преодоление романтиков, и Гегеля началось, как известно, еще в позитивистской философии и фольклористике второй половины XIX века и имеет продолжение и в наши дни.

Советский исследователь Е.М.Мелетинский (1976), обозревая теории мифов, подчеркивает, что в отличие от буржуазных позитивистов Маркс не только не зачеркивал достижений немецкой философии от Гердера до Гегеля в осмыслении древних культур, но прямо на них опирался. Те идеи историзма, которые были накоплены в рамках идеалистической философии, критически осваивались и разрабатывались Марксом в русле материализма.

В письме к Энгельсу от 25 марта 1868 года Маркс высказал глубокие мысли, имеющие отношение к пониманию искусства древних эпох и того, чем оно ценно для современных людей. Маркс писал: "Первая реакция на французскую революцию и связанное с ней Просвещение, естественно, состояла в том, чтобы видеть все в средневековом, романтическом свеге, и даже такие люди, как Гримм, не свободны от этого. Вторая же реакция, — и она соответствует социалистическому направлению, хотя эти ученые и не подозревают о своей связи с ним, — заключается в том, чтобы заглянуть за пределы средневековья в первобытную эпоху каждого народа. И тут-то она, к своему изумлению, в самом древнем находят самое новое, вплоть до поборников равенства, идущих так далеко, что это привело бы в ужас самого Прудона" ¹. В письме Маркса упоминаются только что прочитанные им книги видного немецкого буржуазного историка Г.Л.Маурера, исследователя общественного строя древней и средневековой Германии. Маурер исследовал историю средневековой немецкой общины-марки, и Маркс ценил его в особенности за то, что в его работах доказывалось существование в древности системы общинного землепользования и тем самым опровергалось мнение о якобы "извечном" праве частной собственности на землю. По поводу этого Маркс писал, что книги Маурера "имеют огромное значение. Не только первобытная эпоха, но и все дальнейшее развитие ... получает совершенно новое освещение" ².

В советской науке на связь поэтического мира "Калевалы" с первобытнообщинными идеалами впервые указали в своих статьях середины 30-х годов Ю.Сирола и ленинградский профессор Е.Кагаров, что позднее отметил в своем известном предисловии к "Калевале" О.В.Куусинен, подробно рассмотревший эту проблематику.

Это объясняет, почему фольклорно-эпические идеалы оказывались столь близкими демократически настроенным писателям и почему "Калевала", озаренная этими идеалами, упорно вос-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 44.

² Там же, с. 43.

принималась в XIX веке не просто как современное литературное произведение, а именно как картина первобытных времен, пусть до некоторой степени и реконструированная Леннротом. Конечно, в предисловиях и статьях Леннрота, равно как и в рассуждениях Р.Тенгстрема в упомянутом докладе, кое-что сегодня кажется наивным, не соответствующим современным научным взглядам. Но сам акцент на народности, на первобытном коллективизме, на историческом своеобразии эпохи, которую отражают руны, не представляется устаревшим.

Помимо того, что современная западная фольклористика гораздо меньше интересуется народностью фольклора, здесь сказывается еще и общий антиисторизм позднебуржуазного сознания. Фольклор и мифология тоже воспринимаются внеисторично, миф в качестве вневременного символа противопоставляется истории и поступательности исторического движения, исторического времени.

Одно из главных отличий XIX века от века XX в отношении к фольклорно-мифологическому наследию можно, несколько упрощая, выразить в виде следующего сопоставления-парадокса: если Леннрот в "Калевале", опираясь именно на современную ему ступень развития исторического сознания, стремился создать из сохранившихся осколков древних рун и мифов целостную картину прошлого, то в XX веке многие западные писатели пытаются, напротив, как-то упорядочить хаос современной им действительности с помощью внеисторично воспринятых мифов. Между прочим, об этом еще в 1923 г. выразительно писал Т.С.Элиот в связи с тогдашними спорами вокруг "Улисса" Джойса. Статья Элиота имела характерное заглавие: "Улисс", порядок и миф". По словам ее автора, открытый Джойсом "мифологический метод" повествования о современной жизни — это "способ контроля, упорядочения, придания формы и значения той огромной панораме тщеты и анархии, каковой является современная история".

В приведенных словах достаточно ясно подчеркивается формообразующая, структурирующая функция мифа в новейшей литературе. Аналогичная "упорядочивающая" функция была присуща и самой мифологии — изначальный хаос преобразовывался в мифах в организованный космос.

Следует обратить еще внимание на категории пространства и времени, в связи с которыми возникают параллели между собственно мифами и литературным "неомифологизмом" XX века.

Укажу очень кратко на главные особенности мифологических представлений о пространстве и времени, как это понимают специалисты. В мифологическом сознании пространство, время, вещный мир еще не расчленены и выступают в единстве. Нет "пустого", незаполненного пространства, как нет и незаполненного, абстрагированного времени. Пространство и время образуют единство — так называемый хронотоп, все происходит "здесь" и "теперь". Далее, в мифах нет движения-погока времени, нет отчетливого его разграничения на прошедшее, настоящее и будущее. О.Фрейденберг (1978) характеризует время в мифах как "одномерное", "стоячее", "вневременное"; это некий *praesens atemporale*, "вневременное настоящее". Соответственно для Э.Кассирера мифологическое сознание — это "*ein zeitloses Bewusstsein*" (Cassirer, 1925, 135). По О.Фрейденберг, одним из законов мифологического сознания является "симбиоз прошедшего с настоящим", "непреодоленность" прошедшего, которое продолжает присутствовать и повторяться в обрядах и тем самым постоянно "актуализироваться" в сознании.

На совершенно ином общественно-историческом и психологическом уровне нечто аналогичное наблюдается в литературном "неомифологизме" XX века. Весьма ощутимы точки соприкосновения, например, с трактовкой категории времени А.Бергсоном, который оказал столь большое влияние на литературу и искусство XX века. Категория времени у Бергсона ("длительность") предельно психологизирована и связана с функционированием человеческой памяти, механизмом сознания. "Внутренняя длительность, — писал Бергсон, — есть непрерывная жизнь памяти, продолжающей прошлое в настоящем" (Бергсон, 1914, 24)

В общепhilософском отношении взгляды Бергсона, равно как и других представителей "философии жизни" (Ницше, Шпенгера, затем экзистенциалистов), были своего рода "бунтом" против исторического времени, против самой истории. Дискредитированной и отвергнутой истории стал противопоставляться внеисторически истолковываемый миф, научному историческому знанию — многозначная мифологическая символика,

121804к

позитивистскому линейному эволюционизму и линейной хронологии - мифоподобное циклическое время (принцип "вечного возвращения" у Ницше, природно-биологический цикл рождения-умирания в морфологии культуры Шпенглера). И этот общемировозренческий "бунт против истории" нашел свое выражение также в художественной литературе. Происшедшие в связи с этим кардинальные изменения в трактовке пространственно-временных отношений наблюдаются в творчестве некоторых финских писателей XX века, а на материале романов Джойса, Пруста и других западных прозаиков эта проблематика проанализирована в работе И.Франка (Frank, 1963). Со ссылками на предшествующих исследователей (А.Тэйга, М.Элиаде) и с параллелями из современной западной живописи И.Франк формулирует следующий вывод: в результате "совмещения времен" (прошедшего и настоящего) "история становится неисторической", "время не воспринимается в его объективной каузальной поступательности"; "насыщенное человеческим опытом историческое время растворяется в космическом, циклическом, вечном"; "подобно тому как из многих произведений западной живописи исчезла пространственная глубина, из произведений литературы исчезла историческая глубина", причем все это сопровождается "ностальгией по мифу". По мнению И.Франка, "современная западная литература занята превращением мира, существующего в историческом времени, во вневременной мир мифа".

Анализ и выводы И.Франка представляют интерес, хотя некоторые акценты в его исследовании оборачиваются чрезмерной генерализацией. В мировой (также в западноевропейской) литературе есть весьма разные формы "неомифологизма", и не всегда миф противопоставляется истории, имеются также успешные попытки его художественного сочетания с историей.

Ленинроговскую "Калевалу" тоже можно рассматривать как одну из ранних попыток сочетания мифа и истории. К числу особенностей "Калевалы", отличающих ее от собственно фольклора, следует отнести то, что Ленинрот в своей композиции решительно усилил связь древних рун с современным историческим сознанием. В народных рунах события происходят в

17

БИБЛИОТЕКА

Карельского филиала
Академии наук СССР

мифологическое время, и как мир идеальных первопредков и идеальных основ жизни мир эпической поэзии является по-своему замкнутым в себе миром. Это далекий прошлый мир, огражденный преданием от мира сегодняшнего. Для сказителей-рунопевцев эпический мир никогда не был их сегодняшним миром, он всегда воспевался как идеальный прошлый мир, отделенный, по выражению М.М.Бахтина, от времени сказителя "абсолютной эпической дистанцией".

Леннрот в своей композиции как бы разомкнул этот круг, преодолел дистанцию, приблизил древний мир к современному культурному миру. Отчетливей всего встреча мифологии и современного исторического сознания выразилась в прологе и эпилоге "Калевалы", сочиненных самим Леннротом. В них подчеркивается мысль, что песни о героях извлечены из предания для того, чтобы они послужили новым поколениям, то есть вписались в историческое время, в современность. В заключительных стихах "Калевалы" певец скромно просит о снисхождении к его галанту, но он хорошо сознает необходимость самой поэмы для сегодняшних людей, для будущего.

Как бы ни было, а все же
Проложил певцам лыжню я,
Я в лесу раздвинул ветки,
Прорубил тропинку в чаще.
Выход к будущему дал я...

(Перевод Л.Бельского)

"КАЛЕВАЛА" В КОНТЕКСТЕ ФИНСКОЙ, КАРЕЛЬСКОЙ И МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Как по материалу, так и по теоретическому его осмыслению названная проблема весьма обширна, границы ее трудно обозреть и обозначить. Рациональный подход состоит, видимо, в том, чтобы, избегая искусственного сужения проблемы, в то же время не растворить ее обширность в общих фразах, не подкрепленных конкретными исследованиями.

"Калевале" суждено было стать краеугольным камнем финской культуры, с нею так или иначе связана вся история финской литературы, театра, музыки, изобразительных искусств.

"Калевала" и другие издания Лённрога привнесли в финскую культуру мощную демократическую струю, чему способствовало и то, что финское национальное движение переживало тогда один из наиболее демократических этапов своего развития. Сразу же после своего выхода в свет "Калевала" была воспринята немногочисленной тогда еще финской интеллигенцией как символ национального возрождения, как мощный стимул развития финской литературы, литературного языка, национального самосознания. В результате длительного шведского господства в Финляндия первой половины XIX века сохранялась еще сословно-дворянская шведская культурно-языковая гегемония; финский язык оставался бесправным "мужицким языком" и не имел доступа ни в сферу государственно-административной жизни, ни в сферу образования. Большинство населения страны, по существу все финское крестьянство, было обречено на гражданскую немощу. В этих условиях "Калевала" и ее начавшаяся мировая слава способствовали укреплению демократических идей в финском обществе, питавших также литературу и искусство.

"Калевала" была неотделима от народности, от идеалов равноправия людей, от мечты о всеобщем счастье. "Калевалу" тогда называли "входным билетом", по которому угнетенный и малоизвестный народ входил в сообщество культурных наций.

Но на протяжении полуторавековой истории влияние "Калевалы" осуществлялось по-разному, были притяжения и отталкивания, периоды более и менее обостренного интереса к ней. Весьма плодотворным периодом был конец XIX — начало XX века. волна так называемого "карелианизма" в финской культуре, с крупными художественными явлениями в поэзии (Э.Лейно), живописи (А.Галлен-Каллела), музыке (Я.Сибеллус), архитектуре (Э.Сааринен). Разные художники по-разному толковали "Калевалу" в зависимости от их мировоззрения и творческих целей. Вышеназванные выдающиеся деятели финской культуры воспринимали "Калевалу" в русле великих гуманистических традиций, для них она не имела еще ничего общего с тем милитаристским духом, который стали приписывать ей позднее реакционные буржуазные идеологи. Напротив, именно гуманистическое содержание "Калевалы" поэт Э.Лейно противопоставлял разгорающемуся милитаризму.

К сожалению, в Финляндии 20-30-х годов усиленная популяризация "Калевалы" получила совершенно иное направление. В угоду милитаристскому политическому курсу тогдашних ультраправых "Калевала" была подчинена целям весьма откровенной милитаристской пропаганды. Уступками милитаризму явились и некоторые из тогдашних фольклористических концепций, хотя они преподносились в форме "чистой науки". В послевоенной Финляндии, когда милитаристская идеология подверглась решительной девальвации, предстояло пересмотреть и многое из того, что писалось прежде о "Калевале" и народной поэзии. Наступило временное охлаждение к фольклору — слишком памятливы были извращенные его толкования. Как отмечает финская критика, представителями так называемого "модернистского поколения" 50-х годов интерес к фольклорному наследию вообще был утрачен, они относились к нему весьма скептически, убежденные, что впредь фольклор уже никогда не будет иметь для литературы сколько-нибудь важного значения. Однако скептицизм оказался преходящим, и уже в 60-70-е годы писатели разных направлений стали вновь обращаться к фольклору.

Но происходило это очень по-разному. Одно дело — А. Туртайнен, М. Росси и другие левые поэты, обратившиеся к фольклорным традициям в демократических целях, ценившие в фольклоре прежде всего народность содержания и поэтики. Народнопесенные традиции были использованы ими, в частности, для развития современной демократической песни, и в этом же направлении немало сделала левые композиторы (К. Чуденлус, О. Доннер, Т. Эдельман) и руководимые ими музыкальные коллективы.

В совершенно другой плоскости лежит, например, поэма П. Хаавикко "Двадцать и один" (1974), в которой использованы образ Сампо и элементы фольклорной поэтики. Как бы ни расценивать эту поэму, — а у нее есть свое содержание и свои достоинства, — однако к фольклорным традициям ее отношение скорее негативное, чем позитивное, если под фольклорными традициями понимать именно народность идеалов, а не одни формальные признаки. В "Калевале" о Сампо упоминается, что из этой чудо-мельницы, выкованной Ильмариненом, обильно сыпались и мука, и соль, и деньги. П. Хаавикко в поэме прив-

лекло как раз последнее, фольклорное Сампо преобразуется его фантазией в станок-аппарат для чеканки золотых монет, и для захвата такого аппарата воинственные герои поэмы отправляются в Византию, где с ними и происходят всевозможные приключения. П. Хаавикко принадлежит к тем западным интеллигентам, для которых категория историзма утратила всякое значение, и своего рода нивелировка истории дает неожиданное направление его воображению; люди, с такой точки зрения, всегда были одинаковы, всегда жаждали денег и богатства; рада это-го якобы и древние калевальцы рисковали жизнью, отправлялись в походы, занимались сделками и коммерцией. Но с миром древней эпики и ее идеалами, согласитесь, это имеет мало общего.

"Калевала" и фольклорные сокровища сыграли огромную роль также в зарождении и развитии литературы, профессионального искусства Советской Карелии. Произошло это уже в XX веке, после победы Великого Октября, в условиях социалистического общественного строя.

В изменявшихся общественных условиях процессы трансформации фольклорных традиций в литературные имели свои особенности, хотя наблюдались и некоторые исторические аналогии. Например, творчество ряда карельских сказителей советского периода по своей типологии в чем-то аналогично более раннему творчеству финских крестьянских поэтов. Карельские сказители, исполнявшие наряду с традиционными рунами новые, ими самими сочиненные песни о современной жизни, тоже начинали сознавать свое литературное авторство. Сказители эти были по преимуществу преклонного возраста, одни из них не знали грамоты, но некоторые были грамотными (например, М.И. Михеева, В.И. Хямяляйнен, А.В. Киброева) и могли сами записывать свои сочинения. Чаще всего они пользовались традиционными фольклорными размерами, хотя и со значительными отклонениями от них. По своей типологии эти "новые песни" карельских сказителей советского периода могут быть отнесены к промежуточным явлениям между фольклором и литературой, характерным для раннего периода литературного развития.

Одновременно с творчеством упомянутых сказителей в Карелии формировалось первое поколение профессиональных писа-

телей из коренного карельского населения. Литературным языком в Советской Карелии, наряду с русским, стал финский язык, на котором писали и продолжают писать такие карельские писатели, как Николай Яккола, Антти Тимонен, Якко Ругоев, Николай Лайне, Пекка Пертту, Ортъе Степанов. Все они выходцы из Северной Карелии, родины знаменитых рунопевцев, от которых в свое время были записаны лучшие руны, составившие ядро "Калевала". Общим для всех этих писателей является то, что их произведения самым тесным образом связаны с народной жизнью и устно-поэтическим наследием родного края. В целом их творчество знаменует переход карельского народа от многовековой устно-поэтической культуры к художественной литературе. В частности, в советский период в карельской литературе происходил процесс генезиса литературных эпических жанров — романа, повести, рассказа, стихотворной поэмы; и влияние фольклорной эпики в этом процессе весьма ощутимое.

Плодотворны связи с "Калевалой" и фольклором для современного карельского изобразительного, музыкального, театрального искусства. Работы О.Бородкина, Г.Стронка, Л.Ланкинена, Т.Юфы, М.Мечева, музыкальные произведения К.Раутио и Г.Синисало, постановки "Калевалы" и "Кантелетар" на сцене Петрозаводского финского драматического театра, выступления ансамбля "Кантеле" и других художественных коллективов стали значительными событиями в культурной жизни Карелии и страны.

О своеобразной актуальности "Калевалы" и мировом значении убедительнее всего свидетельствует возрастающее количество ее переводов в самых разных странах. На сегодняшний день "Калевала" переведена в полном объеме на тридцать четыре языка и еще на многие языки в сокращениях и отрывках.

Еще в прошлом переводы "Калевалы" соотносились определенным образом с общественно-литературной атмосферой эпохи, в которую они появлялись. Подчас переводчики вполне сознательно преследовали цель не просто сделать доступным современным читателям древний поэтический памятник, но и по возможности повлиять на современный литературный процесс. Например, чешский переводчик Йозеф Холечек особо подчеркнул

следующие обстоятельства своей работы над переводом "Калевалы". Приступив к работе еще в конце 1870-х годов и опубликовав сперва переводы девяти рун в журналах, он был вынужден временно оставить свой замысел, ибо возможностей опубликовать полный перевод "Калевалы" в виде книги не предвиделось. Но через некоторое время, когда изменилась литературная ситуация, переводчик считал необходимым во что бы то ни стало завершить и опубликовать перевод, хотя бы за свой счет. Впоследствии он вспоминал об этом: "Работа лежала без движения до конца 1880-х годов. Но тут я обнаружил, что чешская литературная поэзия слишком следует декадентской поэзии Запада, во вред своему естественному и органическому развитию. Я увидел в этом нечто опасное для чешского национального самосознания и национальной самобытности. В ту пору у нас появились писатели, в словаре которых было до семидесяти пяти процентов заимствованной из других языков, так называемой "культурной лексики". В этом случае национально-чешское без остатка растворялось в нечешском, ненациональном, чуждом. По моему убеждению, спасение заключалось в том, чтобы вновь обратиться к народной поэзии и к народному языку. Как поклонник фольклора и ценитель родного языка, я увидел свое призвание в том, чтобы обогатить чешскую литературу переводами из фольклора тех народов, у которых он наиболее значителен и известен. На первое место я поставил фольклорную поэзию финнов, подчеркнув тем самым, что мой замысел свободен от всякого шовинизма. Свой перевод "Калевалы" я опубликовал в 1893-1895 гг. на собственные средства, с некоторой помощью Чешской академии. Перевод был хорошо встречен, цель моя была достигнута. Ободренный успехом, я стал переводить избранные руны "Кантелегара", перевод появился в 1904-1905 гг." (Valvoja, 1909, с. 320-322) Холечек собирался переводить еще сербскую, эстонскую, русскую, грузинскую народную поэзию.

Говоря о карело-финском фольклоре и "Калевале" в контексте мировой культуры, нельзя не упомянуть о таком примечательном факте, как перевод Гете на немецкий язык финской лирической песни (1810 г.), что открыло ей путь в мировую поэзию. Юный Карл Маркс интересовался народными песня-

ми и переписал из второго издания сборника Х.Р.Шретера три карело-финские руны, включая знаменитую руну об игре Вяйня-мейнена на кянгеле, в собственную тетрадь, которую он в 1839 году подарил своей невесте Женни фон Вестфален. К опыту "Калевалы" еще в XIX веке обращались писатели других стран, особенно в тех случаях, когда они имели дело с фольклорным материалом.

Одним из примечательных свидетельств этого является история создания "Песни о Гайявате" (1855 г.) американским поэтом-классиком Генри Лонгфелло на материале легенд североамериканских индейцев. Как полагают исследователи, Лонгфелло еще в 1835 году, во время своей поездки в Европу, получил сведения о выходе первого издания "Калевалы". Позднее он познакомился с расширенной композицией "Калевалы" в немецком переводе русского академика А.Шифнера (перевод вышел в 1852 г.). Лонгфелло волновала та же проблема, что и Лэнгтрога: как объединить древние народные легенды в новую эстетическую целостность, сделать их доступными современным читателям. Пример "Калевалы" оказался поучительным для американского поэта и ученого. После того как Лонгфелло с живейшим интересом прочитал "Калевалу", он записал в дневнике: "У меня созрел отличный план поэмы об американских индейцах, который представляется единственно правильным. Поэма должна объединять прекрасные индейские предания в одно целое. Я нашел также стихотворный размер, единственно пригодный для такой цели". Размер этот — нерифмованный четырехстопный хорей, которым обычно переводят "Калевалу" на индоевропейские языки. Сходство со звучанием "Калевалы" замечает каждый, кто будет читать "Песнь о Гайявате" либо в оригинале, либо, например, в превосходном русском переводе И.А. Бунина.

"Калевала" повлияла также на Фр. Крейцвальда при оформлении эстонского эпоса "Калевипозг".

"Калевала" и сегодня продолжает быть источником подобного рода импульсов. В самое последнее время усилилось внимание к "Калевале" со стороны ряда африканских народов. Уже вышел в свет перевод "Калевалы" на пуларь, одном из западноафриканских языков, и ведется работа над переводами еще на три африканских языка. Как сообщается в печати,

при некоторых африканских университетах (например, в Лагосе, столице Нигерии) создаются специальные группы по переводу "Калевалы" на местные языки и использованию ее опыта в обработке местного фольклорного материала. Альфа Диалло из Гвинеи, переводчик "Калевалы" на пуляри, особо подчеркнул значение этого опыта в современном национально-культурном строительстве африканских народов, многие из которых только создают свой литературный язык и на основе фольклорных традиций развивают свою литературу.

О ПЕРЕВОДАХ ФОЛЬКЛОРНОЙ ПОЭЗИИ НА СОВРЕМЕННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЯЗЫКИ

В связи с многоязычной жизнью "Калевалы" существует, помимо общекультурной, и чисто переводческая проблематика, не менее обширная и интересная. Причем она тоже может и должна изучаться исторически. На некоторые языки — русский, немецкий, английский, шведский, эстонский, венгерский, итальянский, японский — "Калевала" переводилась по нескольку раз. Для новых изданий существующие переводы редактировались и обновлялись, они имеют свою историю, а в целом жизнь переводов тоже есть продолжающийся процесс.

Для самих переводчиков проблемы перевода "Калевалы" представляют не академический, а сугубо практический интерес, они ждут от теоретиков возможных советов и обращаются к ним за конкретной помощью.

Применительно к переводам "Калевалы" на любой язык важно с самого начала, как мне кажется, учитывать один общий исходный момент: это не просто поэзия, а довольно архаическая поэзия, что имеет свои последствия. При постижении смысла фольклорной эпика постоянно следует иметь в виду, что эта поэзия возникла и функционировала в принципиально иную культурно-историческую эпоху, среди людей, живших в совершенно иных условиях и обладавших совершенно иным мировоззрением, чем условия жизни и мировоззрение современного человека. В древности эпическая лексика могла иметь иные значения, чем те же слова в современных словарях. В течение многих веков (иногда, как полагают, даже тысячелетий) устного функ-

ционирования отдельных эпических сюжетов семантика их лексики и метафор не могла не эволюционировать, изменяться. Следы этих изменений наблюдаются в эпических рунах.

Уже говорилось, что в архаической эпике еще значительно влияние мифологических представлений древних людей. Первобытное мифологическое сознание было относительно синкретическим, недифференцированным сознанием, которому не были присущи резко расчлененные представления о природном и социальном, естественном и сверхъестественном, материальном и духовном. Свообразными, как отмечалось, были и представления о пространстве и времени, о космосе. А.Ф.Лосев, один из крупнейших советских специалистов по античной эстетике, пишет о "скульптурном стиле" всего античного сознания, для которого "бытие застыло в виде прекрасной статуи, и никакая история, никакие принципиальные сдвиги ее не колеблют. Она вечно прикована сама к себе". И еще цитата, в плане сопоставления античного сознания с современным: "Современный человек не может мыслить мир конечным. Астрономические теории, пытающиеся мыслить пространственную конечность мира, мало понятны современному сознанию, трудны для доказательства и встречают всеобщее сопротивление. Полная противоположность этому — Гомер. Ведь гомеровское мировоззрение основано на пластически-телесном трактовании действительности. И ярчайшим образцом такой трактовки является устройство гомеровского космоса. Он, разумеется, тоже тело и как тело — конечен в пространстве, т.е. имеет определенную форму, или фигуру" (Лосев, 1963, с.54, 168).

Подобное миропонимание наложило печать на весь образный язык древней поэзии, тогда как современные литературные языки уже слишком далеко отделились от такого архаического миропонимания, чтобы адекватно его передать. Современные литературные языки, их лексические и синтаксические категории являются результатом огромной аналитической работы человеческого интеллекта на протяжении столетий. И переводчики фольклорной поэзии очень часто сталкиваются с такими особенностями древнего образного языка, которые крайне трудно, если вообще возможно, выразить средствами современного языка. Случаются и ошибки по незнанию специфики.

Например, переводчики "Калевалы" иногда грешат тем, что вводят в текст перевода произвольные эпитеты (типа "бескрайнее море") или чрезмерно употребляют такие слова, как "теперь", "тогда", "потом", "вблизи", "вдали" и т.д. Переводчики вводят такие слова то ли для соблюдения стихотворного размера, то ли для большей синтаксической ясности с точки зрения современного читателя.

Однако, если глубже вдуматься, то такие произвольные слова чужды представлениям древних о времени и пространстве. Древнее сознание, как оно отразилось в фольклорной эпике, еще не знало таких понятий, как линейно-пространственная или временная перспектива. По законам фольклорного хронолога, когда все описываемые события происходят "здесь" и "теперь", нет еще надобности различать "вблизи" и "вдали", "тогда" и "потом", — все предстает как бы в одном фокусе, на одном расстоянии, подобно тому как способ фольклорно-эпического изображения еще не фиксирует движения биологического времени: герой либо всегда старый (Вяйнэмайнен), либо всегда молодой (Лемминкяйнен). Фольклорно-эпическому сознанию еще не свойственно понятие пространственной бесконечности, поэтому "бескрайнее море", "беспредельная даль" — это скорее из романтического лексикона XVIII—XIX веков, чем из стиля архаической эпики. Слова типа "теперь", "потом", "вблизи", "вдали" предполагают уже аналитическое восприятие времени и пространства, их абстрагирование от непосредственного эпического действия, фиксацию внимания на связях прошлого, настоящего и будущего. Архаической эпике это еще не свойственно. Между прочим, чтобы наглядно представить себе, в каких оборотах поэзия в своем историческом развитии расставалась с древними мифологическими представлениями о пространстве и времени, земле и космосе и усваивала современные научные представления, полезно прочесть в качестве одного из пособий литературоведческую книгу М.Х.Никольсон (Nicolson, 1959) об английской поэзии XVI—XVII вв., точнее с тех изменениях в ней, которые были вызваны, в частности, великими естественнонаучными открытиями Коперника, Джордано Бруно, Галилея, Ньютона.

В статье "Калевала" на языках народов мира" (1984) . . . я

попытался на отдельных примерах показать семантическую многослойность и подвижность фольклорной лексики, прошедшей через сложную историческую эволюцию. При переводе "Калевалы" на современные литературные языки наибольшие трудности возникают, пожалуй, при передаче древнейших слов подвижной семантики; в современных языках нет слов соответствующего семантического диапазона.

Перед переводчиками древней поэзии так или иначе возникает вопрос о цели их работы: должен ли перевод с максимальной возможностью передать историческую специфику оригинала, его принципиальную непохожесть на современную поэзию, или же, напротив, в такой степени приблизить его к сегодняшним нашим представлениям, когда эта непохожесть почти полностью утрачивается? Среди переводчиков и теоретиков перевода существуют разные мнения на этот счет. Одни переводят с большими отклонениями от подлинника (к таким переводам, насколько я могу судить, можно отнести, в частности, вышедший в 1974 году польский перевод "Калевалы" И. Михальским); другие стремятся к большей точности. Исторический подход к оригиналу для более глубокого его понимания в любом случае полезен. Конечно, одного исторического изучения недостаточно для разрешения всех переводческих проблем, но для начала важно получить уверенное представление о том, с какой поэзией переводчик имеет дело.

"Калевала" — древнее и в то же время живое культурное наследие. Все новые переводы свидетельствуют о ее продолжающейся жизни.

ЛИТЕРАТУРА:

- Маркс, К., Энгельс Ф. Об искусстве, I-II. М., 1957.
Бергсон А. Собр. соч., т.5. СПб., 1914, с.24.
Евсеев В.Я. Исторические основы карело-финского эпоса, I-II. М.-Л., 1957, 1960.
Карху Э.Г. От рун к роману. Статья о карело-финском фольклоре, "Калевале", финской литературе. Петрозаводск, 1978.
Карху Э.Г. "Калевала" на языках народов мира. — Север, 1984, № I, с.109-117.

- Карху Э.Г. Народный эпос и его литературная жизнь. - Вопросы литературы, 1985, № 2, с. 105-127.
- Куусинен О.В. "Калевала" - эпос карело-финского народа. - Тр. юбилейной научной сессии, посвященной 100-летию полного издания "Калевалы". Петрозаводск, 1950, с. 6-39.
- Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957.
- Лосев А.Ф. История античной эстетики (ранняя классика). М., 1963, с. 54, 168.
- Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. М., 1963.
- Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976.
- Путилов Б.Н. Типология фольклорного историзма. - В кн.: Типология народного эпоса. М., 1975, с. 165.
- Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978.
- Хурмеваара А.Г. "Калевала" в России. Петрозаводск, 1972.
- Anttila A. Elias Lönnrot. Elämä ja toiminta, I-II. Helsinki, 1931, 1935.
- Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen, II. Das mythische Denken. Berlin, 1925; S. 135.
- Frank I. Spatial Form in Modern Literature. - In: Frank I. The Widening Gyre. New York, 1963, p. 3-62.
- Hautala J. Suomalainen kansanrunoudentutkimus. Turku, 1954.
- Honko L. Kansallisten juurien löytäminen. - In: Suomen kulttuurihistoria, II. Porvoo, 1983, s. 42-62.
- Honko L. Kalevala and myth. - In: NIF Newsletter, 1984, n:o 4, p. 1-12.
- Honko L. The Kalevala process. - In: Kalevala 1835-1985. Helsinki University Library, 1985, p. 16-23.
- Honko L. Kalevala: Problems of authenticity and representation of identity. Turku, 1985.
- Karhu E. Kalevala ja nykykulttuuri. - Punalippu, 1984, n:o 5, s. 149-158.
- Karhu E. Kalevala ja mõningad XX sajandi kirjanduse probleemid. - Looming, 1985, n:o 2, lk. 264-270.
- Kaukonen V. Kalevala ja todellisuus. Helsinki, 1948.
- Kaukonen V. Lönnrot ja Kalevala. Pieksämäki, 1979.

Kaukonen V. Kansanrunous ja perinne. - Virittäjä, 1982, n:o 3, s.347-354.

Kirkinen H. Kalevalainen epiikka, historiaa vai myyttiä? - Kotiseutu, 1984, n:o 1, s.30-34.

Klinge M. Muinaisuutemme merivallat. 2 p. Keuruu, 1984.

Krohn K. Kalevalan kysymyksiä, I-II. Helsinki, 1918.

Kuusi M. Ikkuna kalevalaiseen muinaisuuteen. - In: Kalevalaista kertomarunoutta. Toimittanut M.Kuusi. Jyväskylä, 1980, s.9-23.

Kuusi M. Viisikerroksinen Kalevala. - Kalevalaseuran vuosikirja 64. Pieksämäki, 1984, s.54-66.

Nicolson M.H. Mountain Gloom and Mountain Glory. New York, 1959.

Wilson W.A. Folklore and Nationalism in Modern Finland. Bloomington - London, 1976.

СОДЕРЖАНИЕ

Отправные положения	3
"Калевала" и ее соотношение с фольклорной традицией.	6
"Калевала" и проблема историзма	II
"Калевала" в контексте финской, карельской и мировой культуры	18
О переводах фольклорной поэзии на современные литературные языки	25
Литература	28

Эйно Генрихович Карху

"КАЛЕВАЛА" И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

Препринт доклада

Печатается по решению Ученого совета Института
языка, литературы и истории Карельского филиала
АН СССР

Отв. за выпуск Л.С. Баранцева

Подписано в печать 12.06.85г. Э 03277. Формат
60x84^I/₁₆. Ротапринт. I, I уч.-изд.л. Изд. № 13.
Заказ №435 Тираж 300 экз. Цена 10к. УОП КФ АН СССР

Карельский филиал АН СССР, Петрозаводск
ул.Пушкинская, 11